

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

тивопоставление 'ранний (рано)' — 'поздний (поздно)' во многих случаях восходит, по-видимому, к более древнему семантическому противопоставлению 'скорый, быстрый (скоро, быстро)' — 'медленный, нескорый, продолжающийся, долгий (медленно, нескоро, долго); долгий, длительный, большой, просторный, свободный; медленный, медлительный, мешкотный, ленивый; вялый, слабый, обессиленный, умирающий, дохнувший; не связанный, не привязанный, непривязанный, развязавшийся, освободившийся, освобожденный, распущенный, свободный; свободный, незанятый, праздный'; 3) прус. *bīta-* 'вечер' < **bēta-* относится, по всей видимости, к корню, представленному в лит. *bētarotis (-ojasi)* 'слабеть, ослабевать, дохнуть, погибнуть', *bōteris (bōteris)*, *bōterainas* 'большой, крупный', лит. *bests* 'большой, крупный', *bestrs* 'бравый, бойкий, бодрый, живой, крепкий, большой . . .' < **bet(-s)t-*; 4) лит. *sebs* 'поздний' < **s(ū)ebas* сопоставляется с лит. *ap-sebēt* 'опоздать; приходиться в упадок, погибнуть', *at-svabināt* 'освободить, освобождать', *svabads* 'слабый, вялый, дряблый, усталый; не связанный, развязавшийся, распущенный, свободный'; 5) лит. *vėlis*, лит. *vėls* 'поздний' этимологически отождествляется с др.-лит. *vėlti* 'разрешает, позволяет; (по)желает', лит. *vėlēt* то же, лит. *valiā* 'воля; свобода', лит. *vafa* 'вольность, свобода; свободное время, досуг; разрешение, позволение; воля'.

Примечания

- ¹ *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А—D. М., 1975; Е—Н. М., 1979; I—K. М., 1980; К—L. М., 1984.
- ² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1984. 1—11.
- ³ *Urbutis V.* Baltų Etimologijos Etiudai. Vilnius, 1981.
- ⁴ *Persson P.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1916, 543.
- ⁵ *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961, III, 212—213.
- ⁶ *Augstkalns A.* *Sebs* «vēls», *sebu*. — *Filologu biedrības raksti*, XIV, 1934, 118.
- ⁷ *Blesse E.* Lettische Etymologien. — *KZ* 75 1957, 96—113.
- ⁸ *Endzelins J.* Senprūšu valoda. Rīga, 1934, 151.
- ⁹ Там же, 26.
- ¹⁰ Хороший обзор дан В. Н. Топоровым: *Топоров.* Прус. яз. А—D, 230.
- ¹¹ *Mažiulis V.* Del prūsu etimologiju. — *Kalbotyra* XIV, 1966, 104—106.
- ¹² *Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922, 7, 20, 126; *Endzelins J.* *Darbu izlase*. III, 2, 389.
- ¹³ Ср. также: *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958, I, 422.
- ¹⁴ Ср. также: *Кипарский В.* О балтзмах русского литературного языка. — *Baltistica* IX, 1973, 70; *Kiparsky V.* Russische Historische Grammatik. Heidelberg, 1975, III, 93; *Urbutis V.* Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. — *Baltistica* V, 1969, 52. В работе Ю. А. Лауцюте (Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982) отдельная статья о рус. диал. *валанда*, к сожалению, отсутствует.
- ¹⁵ *Būga K.* Rinktiniai raštai, III, 645.
- ¹⁶ *Specht F.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, 159.

Важность учета фактов лингвогеографии и прежде всего — «географии слов» — в работах историко-лексикологического и этимологического характера осознана давно, еще на стадии становления данной, оцениваемой как историческая в широком смысле слова, языковедческой дисциплины¹. Исходным при этом признается положение, согласно которому современный лингвистический ландшафт, представленный на диалектологических картах, — т. е. пространственная проекция (и соотношение) явлений языковой системы (в том числе лексико-семантических микросистем), — может рассматриваться в известной мере как аналог временной последовательности этапов развития данной системы. Уже А. Доза писал: «. . . Основная цель лингвистической географии состоит в том, чтобы восстановить историю слов. . . на основании современных форм и типов»²; ныне о лингвогеографии говорят как о диахронии, «опрокинутой» в синхронию³, как о диахронии, развернутой в пространстве⁴, о том, что «синхронный, но диахронический срез языка отражает диахронию»⁵, что «хроно-изоглоссы могут быть выведены ретроспективно, путем критического изучения современных топоизоглосс»⁶ и под. Вместе с тем отсутствует единство мнений о том, в какой степени, в каких случаях можно рассчитывать на эффективность использования этих данных в историко-лингвистических трудах. Так, наряду с утверждениями о «примате живой диалектной речи» типа: «. . . если описательная диалектология (в которую органически вписывается лингвогеография. — Г. К.) . . . может обходиться без привлечения данных истории языка, то история языка не может обходиться без данных диалектологии»⁷, высказываются и более осторожные суждения: «. . . Лингвистическая география — дополнительный критерий, необходимость в котором для этимологического исследования тем выше, чем обрывочнее материал и чем сложнее выводы самого исследования»⁸.

По-видимому, одну из существенных причин подобного различия во взглядах можно усматривать в недостаточной разработанности самой методики диахронической интерпретации изоглосс, выявленных в процессе синхронного лингвогеографического описания диалектного континуума. В сфере словарного состава, например, несомненную трудность представляет процедура стратификации — установления (относительной) хронологии этапов семантического развития той или иной лексемы, отраженного в совокупности «изосем» на соответствующей карте⁹. И в этой связи следует иметь в виду принципиальную гипотетичность, «релятивность» результатов всех предлагаемых интерпретаций изоглосс, и отсюда —

закономерное допущение альтернативных решений, поскольку характер конкретных выводов, несомненно, зависит от того, рассматривается ли та или иная изоглосса (изолекса, просема) в достаточно широком контексте, — с одной стороны, «в горизонте» иных изоглоссов близкой конфигурации (= «пучков» изоглоссов) в гомогенном лингвистическом пространстве, а, с другой, — с учетом корреспонденций этой изоглоссы в гетерогенном лингвистическом пространстве.

Примером, свидетельствующим о целесообразности обращения в историко-лексикологических и этимологических работах к данным, собранным по единой программе в масштабах генетически гетерогенного диалектного континуума, служит материал «Общекарпатского диалектологического атласа» (=ОКДА), который создается большим международным коллективом диалектологов¹⁰.

В частности, сведения о распространении и семантике слов с корнем **korVI*- в карпато-балканской макроне (ответ на в. 283 Вопросника ОКДА) представляют известный интерес в свете существования различных этимологических версий — «балканской», имеющей большое число сторонников, и (искобно) славянской, а также версий, констатирующих «неясное» происхождение. Критические обзоры первого, «балканского», направления разысканий, опубликованные в последние 10 лет и содержащие разработку некоторых аспектов, оставшихся ранее в тени¹¹, дают основание не рассматривать его в деталях и сосредоточить внимание на сопоставлении этих направлений.

Существенным пунктом расхождений является отношение «балканской» семантики данной лексемы, прежде всего такого ее компонента, как семема «внебрачный ребенок; ребенок; мальчик» и под. (также — «слуга») (см. далее) к севернославянской, для которой важными являются семемы «стояк, короткая подставка; мотыга, лопатка; рукоятка; сапожная колодка» (для рус. *копы́л* и однокоренных — Филли 14, 300), также блр. *капы́л* «сапожная колодка», «копылы в санях»¹², укр. *копы́л* — те же значения¹³, польск. диал. *koruła* «стойки в санях», *koruś* «сапожная колодка», *koruta* «нога» (Karłowicz¹⁴). Лишь в карпатской зоне обнаруживаются значения, общие с «балканскими»; так, например, в карпато-украинской микроне, наряду с *копило*, *копело*, *копилі*, *копила* и под. «столбики, которые забиваются в полость саней» фиксируется *копэл*, *копиу*, *копэл* и под. «внебрачный ребенок» и др.¹⁵ (что обычно оценивается как достаточно позднее заимствование). В большинстве этимологий или вообще не связываются эти ряды форм и значений (ср., с одной стороны, Meyer; Cioranescu; DLR; БЕР и др.¹⁶, с другой, — Berneker; Ślawski, II, 470; Machek¹), или, если они связываются, то указываются различные источники. Ср. Й. Хубшид, принимающий для севернославянских лексем в качестве исходного слав. **korati*, а для балканских — алб. *kopil* < др.-алб. **kópil* < **kó-pel*¹⁷. М. Фасмер, по-видимому, допускал общее, но неясное (пбо связь с **korati* отрицается) происхождение слов с корнем **korVI*- в различных значениях (Фасмер II, 320). Решительно высказывается, во-первых, за родство севернославянских и балкан-

ских (герп. балканославянских) слов О. Н. Трубачев (см. и его ссылку на: Младенов); исходя из формы **koruľ* «то, что отсекается» < **korati* «рубить», он пишет: «... в земледелии и садоводстве побочные побеги... отсекались как ненужные и даже вредные; на ребенка, рожденного вне брака, это название было перенесено... только после этого метонимического переноса началась собственно балканская карьера славянского слова, попавшего в румынский и в албанский (но не наоборот!)»¹⁸.

ОКДА и другие источники свидетельствуют об устойчивости и компактности семантики **korVI* и родств. в карпато-балканской макроне, что проявляется, в частности, в том, что на значительной территории фиксируется круг близких значений: 1. (часто как пейоратив) «внебрачный ребенок ~ сын и т. п.» — польск. диал. *'koruľ*, *'koruľ'ak*, слов. диал. *'kopil*, *'kopilec*, карпатоукр. *'koruľ*, *'koruľ'a*, *'koruľ'ec*, молд. *ko'pk'il(t)di* «faty 'mari ~ din buru'jeni и др. (все — ОКДА), рум. *copil* ~ de lele ~ (făcut)de fată mare ~ din(in) flori (ALRM I, 292; ALRRMar, 199), с.-хорв. *kópile*, *kòpi:le*; *kòpil*, *kòpile* (ОКДА, RJA), алб. *ko'pil*, макед. *'kopil*, *'kopile*, *копиле* (ОКДА, Конески), болг. диал. *кòпеле* (БД III, 91, 233, IV, 186, VI, 44), *кòпиле* (БД IV, 112), *кòпеле* (РБЕ), *кòпиле* (БТР), *кòпелмя*, *кòпеля* (Геров) и 2. (нейтральное) «ребенок; мальчик, сын; подросток и под.» — молд. *ko'pil(t)*, *ko'pk'il(t)*, рум. *copil*, *cop't'il* (ALR sn, 1682, 1698, 1700, 1704 и др.; ALR II, 146, 91; ALR I, 226; ALR II, 139; ALRM I, 263; ALRRMar, 201—205), болг. диал. *кòпеле* (БД I, 99, II, 190¹⁹; ср. БТР), н.-греч. *κοπέλλι*, *κοπελλιάρης* и родств. (димот.) и др. (Dimitrakos)²⁰. С перечисленными связаны и более редко встречающиеся значения: рум. *copil* «сирота» (ALRM I, 308, ALR I, 223), «слуга» (устар. — DLR), венг. *kóré* «хитрец и под.» (MNyTESz), алб. *kopil* «рабочий на тяжелых работах» (Fjalor, ср.: *kopiloj* «работать прислугой»; также — Leotti; Mann), болг. диал. *кòпили* «беспокойный ребенок» (БД III, 302), с.-хорв. *копиль* «мошеник, хитрец» (Елезовић), н.-греч. *κοπέλλι*, *κοπέλλα* «слуга, служанка» (Dimitrakos) и др.

Ареальная характеристика указанных слов и их значений дает, на наш взгляд, дополнительные аргументы в пользу целесообразности учета их «балканской» этимологии, хотя только дальнейшие исследования в этой области, вероятно, позволят ответить на вопрос, какой именно версии следовало бы отдать предпочтение. Вместе с тем, независимо от установления происхождения **korVI* и родств., на основании их географии и широты семантической амплитуды в восточнороманских языках можно предположить, что последние, являясь «иррадиационным центром», играли существенную роль в распространении лексемы не только в карпатской области (DLR; Nița—Armaș, 82; Machek¹; MNyTESz; Cioranescu, 231 и др.), но и к югу от Дуная²¹. При этом, разумеется, история конкретных слов в той или иной микроне может быть весьма сложной, ср., например, сербское влияние на семантику алб. диал. (гер.) *ko'pil* — «внебрачный ребенок»²² или определение арум. *copelă* (при: *copil*)

‘девушка; незаконная дочь’ как заимствования из греч. *κοπέλα* ‘девушка, служанка’ (Papañagi, 305)²³.

Паряду с функционированием **kopVI* и под. в качестве родственного и близких к нему названий, следует обратить внимание на наличие в балканской зоне большого числа слов с корнем **kopVI*-со значениями, корреспондирующими со значениями, которые отмечены в восточнославянских языках, и прежде всего в русском. Так, в балканославянском ареале зафиксированы: болг. диал. *кѡпѣло* ‘заостренный в виде резца короткий кусок дерева для выкапывания цветов. . .’, *кѡпѣлце* (устар.) ‘часть «рабоша», который дается должнику. . .’ (БД IX, 268), *кунѣлу* ‘палка для извлечения корней. . .’ (Кочев, 100), с.-хорв. *kopilo* ‘нож, железное орудие, которым оскопляют’ (RJA)²⁴, *копѣлце* ‘часть мельницы, в виде круга. . ., служит опорой для других частей’ (РСА). Здесь же, вероятно, следует рассматривать явно сохраняющее славянский облик болг. диал. *кѡпѣло* ‘побег кукурузы, который вырывается, поскольку он лишний в гнезде’, ‘фуражная кукуруза’ (Млад., 239), *копѣлецу* то же (Кочев, 100), ср. и иные фонетические варианты *кѡпѣле*² ‘побег кукурузы’ (Стойков, 112), также *сѡрѣлѣта* то же — ALR sp, 103, *копѣлѣте* ‘срезанные стебли кукурузы’ — СБНУЛІ, 43), с.-хорв. диал. *копѣленце*, *копѣлић* ‘отросток от корня старого, срубленного дерева’, *копѣлѣ* ‘засохшие початки кукурузы’ (РСА), и *копѣлѣти* ‘размножаться от корня — о растениях’), *kopile* ‘побег (кукурузы)’ (RJA). В румынской диалектной зоне находим достаточно широко представленное (Северная Молдова, Олтения, Мунтения) *copil*, *copileț* (чаще) ‘росток, побег кукурузы’ (ALR sp, 103; DLR²⁵, при незначительном распространении глагола *a copili* — ALR sp, 104), также: *copileț* ‘дикий побег, отходящий от корня или нижней части растения’ (DLR).

Вероятно, дальнейшее семантическое развитие ведет к появлению таких значений, как в с.-хорв. *кѡпѣлце*, *копѣлце* ‘неразвившаяся личинка шелкопряда’, *копѣлѣн* ‘рой пчел, отделившийся от молодого роя’ (РСА), рум. *copileț* ‘козлы — деревянные брусья в конструкции крыши дома’ (DLR) и также *copilieț*, *cobilieț* ‘ниша в стене дома’ (ALR II, 273, 283).

Наконец, известные в румынском значения: *copil* ‘петельный крючок’, ‘зубья скобы’, ‘железный гвоздь, продеваемый в цепочку, запирающую дверь’ (DLR; DLRLC) — могут связываться с некоторыми перечисленными выше значениями, а также с ит. *copiglia* ‘железный клин’ (DLR ср.: Battisti II, 1096).

Таким образом, фиксация в карпато-балканской макроне зоне значений **kopVI* и под., часть из которых оказывается специфически «балканскими», а другая обнаруживает близость к значениям, зафиксированным в восточнославянских языках, или интерпретируется как развитие слав. **kopati* ‘рубить, бить и др.’, позволяет допустить, что в карпато-балканском (лингвистическом) пространстве осуществлялась встреча различных по происхождению слов (ископнославянского **kopulь*¹ < **kopati* и балканского **kopVI*-², этимология которого пока не ясна), что привело к интен-

сивному взаимовлиянию и частичной интерференции их семантических объемов; на этом основании некоторые исследователи и усматривают в современном *kopVI* родст. группу слов, восходящих к одному этимону.

Примечания

- 1 Подробнее см.: Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ, 1959, № 1, 16, ср.: Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979, 26—29, 50, 90 и др.
- 2 Dauzat A. La géographie linguistique. P., 1922, 27.
- 3 Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966, 6.
- 4 Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской лексикологии. — В кн.: Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. М., 1968, 342.
- 5 Герценберг Л. Г. Ареальный метод и палеоевропейское языкознание. — В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, 138.
- 6 Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка. — В кн.: Славянское языкознание. V Межд. съезд славистов. М., 1963, 314.
- 7 Аванесов Р. И. Указ. соч., 316; см. также: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, 25, 241—246; ср. определение лингвогеографических источников как основных: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, 6, 11.
- 8 Трубачев О. И. Указ. соч., 33; лингвогеографический аспект проблемы реконструкции праславянского лексического фонда см.: Трубачев О. И. Этимологический словарь славянских языков. Проспект и пробные статьи. М., 1963, 24 и сл., 87; однако он отсутствует в предисловии к ЭССЯ (М., 1974).
- 9 В связи с высказывавшимися пожеланиями отказаться в этимологических исследованиях от представления «о развитии значения, как некоей ценной реакции», учитывать, что «разная дистрибуция (лексем. — Г. К.) в отдельных говорах могла происходить хронологически одновременно» и под. (Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — ВЯ, 1963, № 1, 44), нельзя не заметить, что, во-первых, «линейное» рассмотрение семантики — у слов и а форма репрезентации имеющихся материалов, и что, во-вторых, подобные рекомендации сами по себе все же не снимают проблему диахронической интерпретации синхронно зафиксированных данных.
- 10 О целях и задачах, а также о некоторых результатах работы см.: Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1981, 6 и сл.; Бернштейн С. В., Клепикова Г. П. Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Межд. съезд славистов. М., 1978, 27; Бернштейн С. В., Гиндин Л. А., Клепикова Г. П. Общекарпатский диалектологический атлас и некоторые проблемы славянского этногенеза. — В кн.: Славянское языкознание. IX Межд. съезд славистов. М., 1983, 4 и сл.
- 11 Ср.: Moutsos D. The origin of a balkanism and related problems *κοπέλα* etc. — Balkan Studies. 1969—1970, 7, 86—101; Hubscher J. Vorarbeiten für das Rumänisches etymologisches Wörterbuch. 9. *copil*. — Zeitschrift für Balkanologie, 1980, 61—70; См. также сводки: БЕР, Skok; в последнее время: Орел В. Э. Балканские этимологии. 2—4. — СБЯ, 1983, 213—215.
- 12 Белорусско-русский словарь. М., 1962; но в: *капѣл* ‘мотыга’ (Шаталава Л. Ф. Белорусские диалектные слова. Минск, 1975, 74).
- 13 Словник української мови. Київ, 1974, V, 180; Гринченко. Ср. п: *копѣл* ‘топор, которым тежут дерево при изготовлении лодок, корыт и т. д.’ (Луценко П. С. Словник польських говорів. Київ, 1974, 103).
- 14 Ср. также: Mały atlas gwar polskich. Wrocław; Warszawa, XII, 1969, № 597, также — II, № 54, 53.
- 15 Karas M. Studia nad dialektologią ukraińską i polską. Kraków, 1975, № 198, 298; Омишевич М. О. Словарь бойковского диалекта. — В кн.: КДЮ, 365—

366; Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, карта № 65, 128 и сл., и др.

- ¹⁶ См. также: *Joki N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen im Bereich des Albanischen*. Berlin; Leipzig, 1923, 7.
¹⁷ *Hubschmid J. Op. cit.*, 65, 69—70.
¹⁸ Этимология. 1979. М., 1981, 177; подробнее: ЭССЯ, вып. 11.
¹⁹ См. также: *Клешинова Г. П.* Материалы для словаря юго-восточных болгарских говоров. — В кн.: *Славянская лексикография и лексикология*. М., 1966, 151.
²⁰ Ср. также: *копка* 'девушка' (*Rohlf's G. Etymologisches Wörterbuch der unteritalienischen Gräzität*. Halle, 1930).
²¹ Ср., например, пометы в болгарских диалектных словарях: БД IV, 442, *Стойков*, 112 и др.
²² *Петрович Д.* Карпатолингвистический аспект сербохорватско-албанских лексических отношений. — СБЯ. 1983, 202.
²³ Специального изучения требуют и акцентологические дублеты в восточно-романских языках, ср., например, рум. *copil* и *copil*, семантика которых иногда различается. Ср. в этой связи мысль И. Губшинда о том, что первая форма — древнее заимствование из албанского, а вторая — более позднее заимствование, также из албанского, но через славянское посредство (*Hubschmid J. Op. cit.*, 64).
²⁴ Ср. сн. 12, 13.
²⁵ *Copil, copileț* в этом значении определяется и как «калька из болгарского» (*Rosetti A. Istoria limbii române*. Buc., 1964, II, 143).

Принятые сокращения

- Елезовић — *Елезовић Г.* Речник косовско-метохијског дијалекта. Београд, 1932, I.
КДО — Карпатская диалектология и опомастика. М., 1972.
Кочев — *Кочев И.* Гребенский говор в Силестренско. С., 1969.
Млад. — *Младенов М.* Говорът на Ново село, Видинско. С., 1969.
СБЯ — Славянское и балканское языковедение. М., 1975.
Стойков — *Стойков С.* Лексиката на банатския говор. С., 1968.
ALR I — *Pop S.* Atlasul lingvistic român. Cluj, 1938, I.
ALR II — *Petrovici E.* Atlasul lingvistic român. Cluj, 1940, II.
ALRM I — *Pop S.* Micul atlas lingvistic român. Cluj, 1938, I.
ALR sn — Atlasul lingvistic român. Serie nouă. Buc., 1956—1974, I—VIII.
ALRRMar — Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureș. Buc., 1969—, I—.
Battisti — *Battisti C., Alessio G.* Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1951—, I—.
DLR — Dicționarul limbii române. Buc., 1943—, I—.
DLRLC — Dicționarul limbii române literare contemporane. Buc., 1956—1959, I—IV.
Dimiŋrakos — *Δημιτράκος Δ. Μεγά λεξικολογῆς τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης*. Αθήναι, 1949 —.
Fjalor — *Fjalor i gjuhës shqipe*. Tiranë, 1954.
Leotti — *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937.
Mann — *Mann S. E.* An historical albanian-english dictionary. L. etc., 1948.
MNYTESz — *A magyar nyelv történeti etimológiai szótár*. Bp., 1972, II.
Nița-Armaș — *Nița-Armaș S. et al.* — In: *Romanoslavica*. Buc., XVI, 1968.
Papahagi — *Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. Buc., 1963.

Г. А. Климов

ОПЫТ СТРАТИФИКАЦИИ КАРТВЕЛЬСКИХ ИНДОЕВРОПЕИЗМОВ

Активизировавшиеся за два последних десятилетия исследования картвельских языков позволили заметно расширить список их древних индоевропейцев, под которыми здесь понимаются индоевропейские лексические заимствования эпохи, в основном предшествующей началу картвельско-армянских контактов (если исходить из господствующей в науке датировки утверждения армянского языка в сопредельной с картвельскими областями в VI в. до н. э.). Продолжающаяся возрастать совокупность этих лексем дает основания предполагать наличие непосредственного соприкосновения картвелов с индоевропейцами в течение длительного времени. Как известно, она явилась, в частности, одним из стимулов разработки гипотезы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова об ареале древнейшей локализации индоевропейской речи в соответствующей полосе Передней Азии¹.

Заметная уже в настоящее время неоднородность накопленного наукой фактического материала ставит задачу стратификации картвельских индоевропейцев.

Необходимо подчеркнуть, что начальный по существу этап исследования вопроса сообщает высказываемым ниже соображениям определенную степень условности. Естественно, что наиболее зыбким представляется намечаемое здесь разграничение между общекартвельскими и несколько более поздними индоевропейцами. Однако во многих случаях остается неясной временная соотносительность и остальных рассматриваемых лексем, поскольку впечатление об определенной закреплённости последних еще не обязательно предполагает более позднюю хронологию их проникновения в картвельскую языковую область. Следует сделать еще одно существенное замечание: к числу картвельских индоевропейцев в настоящем сообщении не отнесено множество близких к их индоевропейским аналогам картвельских слов, трактовка которых в качестве заимствований затруднена. С одной стороны, это вероятные дескриптивные образования типа **dud-* 'кончик', **krko-* 'желудь', **lip-* 'скользить', **lok-* 'лизать, лакать' **opora-* 'удод', **per-* 'летать', **slek-*: **slk-* 'лизать, облизываться', **čker-* 'расщеплять, -ся'. С другой стороны, это такие фундаментальные для словаря любого языка основы, как **ber-* (// *bel-*) 'дуть', **gen-*: **gn-* 'узнавать, сознавать', **kar-*: **kr-* 'связывать', **krēb-*: **krb-* 'собирать, срывать', **lag-*: **lg-* 'класть', **mherd-* 'грудь', **reγw-*: **rγw-* 'сыпаться, рушиться', **tep-*: **tp-* 'греть, -ся, быть теплым', **pillw-* 'легкие', **šew-*: **šw-* 'рождать, -ся'.

Несколько лексем претендуют на их соотношение еще с общекартвельским состоянием, т. е. с картвельскими языками-диалектами эпохи IV—III тысячелетий до н. э. Прежде всего это относятся